

Государственная политика в сфере уровня жизни в регионах Севера и Арктики РФ

Е.А. КОРЧАК, кандидат экономических наук, Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН, Апатиты. E-mail: korchak@iep.kolasc.net.ru

В статье приведены результаты исследования институциональных условий обеспечения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ. Определены нормативные правовые основы регулирования социально-трудовых отношений, создающие в совокупности с дискомфортом условий жизнедеятельности и темпами развития и отраслевой структурой региональных экономик угрозы социальной устойчивости территориального развития регионов Севера и Арктики РФ. Обоснованы приоритеты государственной политики России в сфере уровня жизни населения регионов Севера и Арктики РФ.

Ключевые слова: Север, Арктика, уровень жизни, социальная устойчивость, рынок труда, бедность

Регионы Севера и Арктики РФ играют ключевую роль в обеспечении национальной безопасности России на основе долгосрочного стабильного развития, главной составляющей которого является социальная устойчивость.

Проблемы социального развития регионов Севера и Арктики РФ

Социальная устойчивость – это способность социально-территориальной общности (страны, региона, поселения) поддерживать высокие социальные стандарты (в сфере обеспечения социальных прав граждан), коррелирующие с уровнем экономического развития. Основной принцип достижения социальной устойчивости – согласованная с имеющимися ресурсными возможностями социализация экономического развития, индикаторами которой являются демографическая ситуация и уровень здоровья населения, развития социальной инфраструктуры, образовательно-квалификационные характеристики населения, качество городской среды и безопасность жизнедеятельности, уровень жизни [1. С. 281–294; 2].

Анализ таких индикаторов свидетельствует о том, что современному состоянию регионов Севера и Арктики РФ в целом присущи признаки социальной устойчивости [1. С. 293] – «положительные изменения в процессах воспроизводства населения» и «позитивные тренды качественных изменений уровня устойчивости рождаемости» [3. С. 45], развитие спортивной инфраструктуры [4] и эффективное функционирование учреждений сферы общего образования [5. С. 34], высокий уровень экономической активности и значительная доля квалифицированных граждан в структуре занятого населения, рост ожидаемой продолжительности жизни и снижение уровня преступности (уменьшение числа зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения) [6].

К основным проблемам социального развития регионов Севера и Арктики РФ относятся низкая степень бытовой привлекательности северных и арктических территорий [5. С. 34–40; 7. С. 100–105], а также неблагоприятная ситуация в сфере уровня жизни.

Степень территориальной бытовой привлекательности определяется состоянием отраслей социальной сферы и эффективностью функционирования их объектов. Анализ основных элементов социальной инфраструктуры регионов Севера и Арктики РФ свидетельствует о том, что в целом имеющиеся сегодня сети предприятий, организаций и учреждений социальной сферы позволяют удовлетворять права граждан на образование, охрану здоровья и медицинскую помощь, участие в культурной и спортивной жизни, на жилище. Тем не менее материально-техническое состояние учреждений социальной сферы не всегда соответствует современным условиям, а неэффективная организация системы оказания медицинской помощи (снижающая ее качество и доступность) и дошкольного образования (не позволяющая в полной мере обеспечить возможности полноценного развития детей и формирования их образовательных потребностей и интересов), а также высокий уровень износа жилищного фонда (не позволяющий полностью удовлетворять потребности населения в жилье) продуцируют низкую степень бытовой привлекательности северных и арктических территорий.

Неблагоприятная ситуация в сфере уровня жизни определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, это социальная

напряженность на рынках труда (феномен «северной» безработицы), обусловленная высокой долей безработных граждан в структуре экономически активного населения и низкооплачиваемой занятостью в отдельных видах экономической деятельности (феномен экономической бедности). Несмотря на то, что в регионах Севера и Арктики РФ уровень участия населения в рабочей силе выше среднего по России (в 2015 г. – 72% при среднероссийском значении в 69,1%), при этом почти 78% занятых имеют квалификацию, на региональных и локальных рынках труда сложился структурный дисбаланс спроса и предложения в крупных городских и удаленных сельских и арктических поселениях. Это происходит на фоне проблем с трудоустройством коренных малочисленных народов Севера, значительная часть которых проживают в сельской и арктической местностях.

Например, основные факторы высокого уровня социальной напряженности на локальных рынках труда Мурманской области – сложная экономическая ситуация в монопрофильных поселениях (здесь проживает четверть населения области), а также расположение небольших производств в удаленных сельских и арктических районах региона (основная экономическая специализация которых – оленеводство и сельское хозяйство). В Чукотском автономном округе динамика безработицы в сельских поселениях носит сезонный характер – ее уровень сокращается в весенне-летний период в связи с особенностями традиционного образа жизни коренного населения. В целом для регионов Севера и Арктики РФ проблемы феномена «северной» безработицы актуализировались в связи с приоритетным развитием Арктической зоны: последствия безработицы – это снижение уровня квалификации и деформация профессионально-кадровой структуры трудовых ресурсов регионов Севера и Арктики РФ.

Во-вторых, это бедность населения, уровень которой в среднем по регионам Севера и Арктики РФ превышает предельнокритическое значение (3%) почти в шесть раз, при этом соотношение среднедушевых денежных доходов и прожиточного минимума по регионам Севера и Арктики РФ не достигает среднероссийского уровня (и имеет ярко выраженную тенденцию к снижению, в том числе за счет неэффективности функционирующей районной системы оплаты труда). Малоимущие домохозяйства здесь составляют около 60% общего их числа,

из них более 75% – это семьи с детьми в возрасте до 16 лет (87,8% малоимущих домохозяйств Республики Саха (Якутия) в 2015 г. составили семьи с детьми, 84,1% – в Мурманской области, 75,5% – в Ханты-Мансийском автономном округе). Среди малоимущего населения более 60% – занятые в экономике, по возрастным группам около 26% – дети в возрасте до 16 лет (33% – в Камчатском крае, 32,3% – в Республике Саха (Якутия), 31,1% – в Архангельской, 30,5% – в Мурманской области).

Один из индикаторов низкой степени удовлетворенности населения регионов Севера и Арктики РФ уровнем своей жизни с точки зрения материальных потребностей – высокий удельный вес затрат на покупку продуктов питания в структуре потребительских расходов, свидетельствующий об ограничениях для отдельных групп населения в доступе к ресурсам развития. Так, в 2015 г. 42,4% потребительских расходов населения Магаданской области приходилось на покупку продуктов питания, в Чукотском автономном округе – 39,1%, в Республике Саха (Якутия) – 36,73%, в Республике Карелия – 36,6% (в то время как в Норвегии и Финляндии – около 12%, в Швеции – 13%). Свыше 40% домохозяйств имеют долги по кредитам: наибольшая доля таких домохозяйств – в Республике Саха (Якутия) (58,8%), Ханты-Мансийском автономном округе (54,7%), Республике Коми (52,9%) и Ямало-Ненецком автономном округе (50,6%).

Ситуация с бедностью усугубляется большими объемами просроченной задолженности (из-за отсутствия собственных средств у предприятий) по выплатам заработной платы [8]: на 01.05.2017 г. они достигали в Мурманской области 236,2 млн руб., в Республике Коми – 141,3 млн руб., в Ямало-Ненецком автономном округе – 109,4 млн руб.

Диагностика социального развития регионов Севера и Арктики РФ в сфере уровня жизни

Уровень жизни – важнейший обобщающий критерий оценки эффективности государственного управления устойчивым развитием регионов Севера и Арктики РФ. Интегральный анализ такого критерия [9. С. 91–96] свидетельствует о том, что к регионам с высокой степенью социальной устойчивости сегодня относится только Ямало-Ненецкий автономный округ,

экономическая специализация которого определяет лидирующие позиции региона по показателям уровня жизни населения.

Чукотский и Ханты-Мансийский автономные округа, Магаданская и Сахалинская области – динамично развивающиеся регионы, развитие которых определяется как социально устойчивое. Они обладают социально значимым промышленным комплексом с высоким уровнем оплаты труда. При этом положительная динамика показателей экономического развития коррелирует с ростом экономической активности населения и снижением уровня безработицы, а также увеличением уровня среднемесячных заработных плат и, соответственно, снижением бедности населения.

Регионы, развитие которых происходит с признаками социальной устойчивости, – это Мурманская область, республики Коми и Саха (Якутия), Архангельская область, где угрозы социальной устойчивости представляют безработица и миграционный отток квалифицированных кадров в достаточно молодом возрасте.

Республика Карелия и Камчатский край – это регионы с признаками социальной неустойчивости. Структура их экономик (в Карелии – лесная отрасль, в Камчатском крае – государственное управление, образование, здравоохранение) продуцирует низкий уровень материального благосостояния населения и высокие уровни экономической и социальной бедности.

Такая классификация регионов Севера и Арктики РФ по степени социальной устойчивости на основе авторского интегрального анализа уровня жизни подтверждается рейтингом социально-экономического положения субъектов РФ (в первую десятку которых входят регионы Севера и Арктики РФ с высокой степенью социальной устойчивости и с социально устойчивым развитием) [10] и с национальным рейтингом губернаторов (где на одном из последних мест «прочную» позицию занимал теперь уже бывший губернатор Республики Карелия) [11].

Общемировые и российские тенденции экономического развития оказывают влияние на динамику степени социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе снижение (с 2013 г.) этого показателя обусловлено сокращением уровня материального благосостояния населения и увеличением доли безработных граждан, имеющих квалификацию, на фоне неравномерного соотношения вакансий,

заявленных работодателями в органы службы занятости, и числа безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости населения округа. Напротив, в Республике Саха (Якутия) реальный рост (с 2008 г.) основных макроэкономических показателей привел к повышению уровня социальной устойчивости (тем не менее актуальными для региона остаются проблемы бедности и безработицы, сопровождаемые низкой степенью мобильности трудовых ресурсов, значительным удельным весом убыточных предприятий в государственном секторе и нехваткой специалистов в организациях социальной сферы, функционирующих в Арктической зоне региона).

Положительные изменения в социально-экономическом развитии Чукотского АО (увеличение притока инвестиций, рост расходов на финансирование социальной сферы, создание новой современной социальной инфраструктуры, повышение экономической активности населения, уровней среднедушевых денежных доходов) и социальной устойчивости (с 2006 г.) обусловлены форсированным территориальным развитием за счет «масштабного инвестирования в геологоразведку и освоение новых месторождений полезных ископаемых» [5. С. 76–88; 12].

«Значительная экспортная ориентация» экономики Республики Карелия сдерживает возможности регулирования развития регионального хозяйства в целях достижения социальной устойчивости региона. Последствия кризисов 2008 г. и 2014 г. привели к замедлению темпов роста экономики, по многим показателям Республика Карелия занимает последние места среди регионов Севера и Арктики РФ [5. С. 76–88; 13].

Результат такой ситуации – снижение уровня жизни населения и рост социальной напряженности на локальных рынках труда (колебание на 01.01.2017 г. от 11,5 в Калевальском районе до 0,8 в Лахденпохском районе при уровне трудоустройства в 32,2% и 75,7% соответственно) [14]. В Магаданской области наблюдается (с 2005 г.) положительная динамика показателей эффективности региональной экономики, следствием чего является относительно стабильная ситуация на областном рынке труда: рост экономической активности и уровня материального благосостояния населения, снижение безработицы. Однако в регионе сохраняются высокие уровни экономической (7,8%) и детской (22,4%) бедности.

Институциональные условия обеспечения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ

Ситуация в сфере уровня жизни населения регионов Севера и Арктики РФ – яркое свидетельство противоречия между стратегическим значением таких регионов в обеспечении национальной безопасности страны, в том числе в реализации национальных интересов России в Арктической зоне, и, по сути, деструктивными процессами [15. С. 95–96, 107–108] в достижении социально устойчивого развития таких регионов. Важную роль в сглаживании таких противоречий играет федеральный центр, где устанавливаются институциональные условия обеспечения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ. Анализ таких условий свидетельствует о несовершенстве нормативных правовых основ регулирования социально-трудовых отношений между работником и работодателем в социально-трудовой сфере, создающих в совокупности с дискомфортом условий жизнедеятельности и пропорциями и темпами развития региональных экономик угрозы социальной устойчивости территориального развития.

Первая проблема связана с несовершенством нормативных правовых основ регулирования государственных гарантий по оплате труда, а именно – минимального размера оплаты труда и районного коэффициента и полярной надбавки к заработной плате работающих на предприятиях, в организациях и учреждениях в регионах Севера и Арктики РФ. В частности, главенствующим принципом нормативного правового регулирования заработной платы на всей территории России является обеспечение прав работников в зависимости от их квалификации, а также от количества и качества выполняемой работы на выплату вознаграждения за труд (фиксированный (минимальный) размер оплаты труда), компенсационных и стимулирующих выплат (применяемых к фиксированному (минимальному) размеру оплаты труда).

Минимальный размер оплаты труда (гарантируемый федеральным законом размер месячной заработной платы за труд неквалифицированного работника, полностью отработавшего норму рабочего времени при выполнении простых работ в нормальных условиях труда – Трудовой кодекс РФ в редакции

от 30.12.2001 г. [16]) в РФ применяется для регулирования оплаты труда. Для работников бюджетных учреждений используется тарифная ставка или оклад, минимальный размер которого должен устанавливаться на уровне минимального размера оплаты труда, который, в соответствии с законодательством РФ, не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. В свою очередь, в состав оплаты труда на территории регионов Севера и Арктики РФ входят районный коэффициент (устанавливаемый в связи с работой в неблагоприятных климатических условиях, в том числе в отдаленных местностях) и процентная надбавка (за стаж работы в регионах Севера и Арктики РФ).

Тем не менее нормативные правовые условия регулирования государственных гарантий по оплате труда на региональном уровне и в муниципальных образованиях в большинстве регионов Севера и Арктики РФ (региональные соглашения об установлении минимальной заработной платы в Мурманской, Архангельской, Магаданской и Сахалинской областях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах и Камчатском крае) противоречат федеральному законодательству, поскольку в состав минимального размера оплаты труда включают тарифную ставку (оклад) с учетом районного коэффициента и процентной надбавки. Напротив, в Республике Карелия минимальный размер оплаты труда устанавливается в зависимости от формы собственности работодателя и его территориального расположения (например, на северных территориях региона для работников сельского хозяйства минимальный размер оплаты труда составляет 8900 руб., для остальных – 7700 руб.; для работников государственных и муниципальных учреждений – 7500 руб., остальных работодателей – 12685 руб. [17]). В Республике Коми и Чукотском автономном округе «региональный» размер минимальной оплаты труда устанавливается на уровне федерального. Таким образом, в наиболее уязвимом положении оказываются работники бюджетного сектора.

Во-первых, участие органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в региональных соглашениях о минимальной заработной плате в соответствии с «Едиными рекомендациями по установлению на федеральном,

региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений» носит необязательный характер. Во-вторых, действие таких соглашений не распространяется на работников учреждений, финансируемых из федерального бюджета. В-третьих, размеры тарифных ставок (окладов), а также стимулирующих и компенсационных выплат устанавливаются исходя из финансовых возможностей бюджетов регионального или муниципального уровня. В частности, в Мурманской области уровень дифференциации размеров окладов работников сферы здравоохранения достигает пяти раз: в удаленных сельских и арктических районах оклады в системе оплаты труда составляют около 50%, в административном центре – 11%. При этом средний уровень заработной платы по области – 9–10 тыс. руб., а в удаленных районах – около 40 тыс. руб. Оклад профессиональной квалификационной группы «врачи и провизоры» первого уровня квалификации составляет от 4300 руб. в Республике Саха (Якутия) до 8420 руб. в Магаданской области; четвертого – от 5800 руб. в Архангельской до 10600 руб. в Магаданской области.

Очевидно, что такая ситуация способствует занижению уровня заработной платы и распространению низкооплачиваемой занятости (минимальный размер оплаты труда в Архангельской области составляет 49%, Ямало-Ненецком АО – 75,6%, в Камчатском крае – 88,2%, Ханты-Мансийском АО – 91,7%, Сахалинской области – 94% от величины регионального прожиточного минимума трудоспособного населения), увеличивая бедность и подрывая возможности платежеспособного спроса населения регионов Севера и Арктики РФ.

Вторая проблема связана с неэффективностью реализуемой в регионах Севера и Арктики РФ государственной политики занятости, в частности с несоответствием дополнительных мероприятий в сфере содействия занятости специфике региональных и локальных рынков труда, продуцирующей дисбаланс в структуре занятости населения и не позволяющей удовлетворять потребности работодателей в требуемых трудовых ресурсах с учетом особенностей территориального экономического развития. В подавляющем большинстве регионов Севера и Арктики РФ основной задачей реализации государственных программ занятости является привлечение дополнительных

трудовых ресурсов, однако анализ показателей безработицы свидетельствует о том, что в количественном отношении имеющихся трудовых ресурсов достаточно, хотя они и не обладают требуемой квалификацией из-за того, что достаточно молоды (15–19 лет). Это диктует настоятельную необходимость соответствующего профилирования территориальных рынков образовательных услуг в соответствии с потребностями территориальных экономик, в том числе повышения эффективности профориентационных мероприятий с точки зрения их влияния на профессиональное самоопределение.

Третья проблема дисбаланса спроса и предложения рабочей силы проявляется в «нехватке» трудовых ресурсов на одних территориях и в переизбытке – на других, что усиливает дифференциацию социальной напряженности на локальных рынках труда (например, в Магаданской области коэффициент территориальной дифференциации безработицы достигает 14). Среди угроз, продуцируемых такой ситуацией, – препятствия для реализации инвестиционных проектов, направленных, в частности, на диверсификацию территориальных экономик (особенно актуален такой вопрос для монопрофильных поселений, где остро ощущается дефицит квалифицированных рабочих на фоне низкой степени готовности местного населения из соседних поселений к трудовой миграции), развитие энергетической и транспортной инфраструктур и т.п.

Важный фактор территориального дисбаланса спроса и предложения рабочей силы – бытовая привлекательность, а также доступность и качество услуг учреждений социальной сферы. Оптимизация систем высшего профессионального образования и здравоохранения нанесла значительный урон сфере социальных услуг небольших и отдаленных муниципальных образований регионов Севера и Арктики РФ, снизив привлекательность проживания и увеличив миграционный отток населения в более крупные поселения и административные центры.

Приоритеты государственной политики

Существующие институциональные условия обеспечения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ на фоне дискомфорта условий жизнедеятельности, темпов развития и отраслевой структуры региональных экономик

продуцируют занижение уровня заработной платы, распространение низкооплачиваемой занятости и увеличение бедности, а также неэффективность использования и отраслевого распределения трудовых ресурсов. Таким образом, приоритетами государственной политики в сфере уровня жизни населения регионов Севера и Арктики РФ являются совершенствование нормативно-правовых основ регулирования отношений между работником и работодателем в социально-трудовой сфере с учетом возмещения «дополнительных затрат» при обеспечении государственных гарантий по оплате труда, а также повышение гибкости и адаптируемости государственных программ в сфере содействия занятости на основе достижения согласованности действий при реализации таких программ и усиление государственного воздействия на разработку кадровой политики работодателей.

Реализация первого приоритета подразумевает тщательную законодательную проработку организационно-экономического механизма функционирования государственных гарантий по оплате труда на базе создания нормативно-правового акта, регламентирующего концептуальные основы оплаты труда на территории России, а также внесение изменений в нормативно-правовой документ федерального уровня, регламентирующий концептуальные основы развития Арктической зоны, в том числе вопросы районного регулирования оплаты труда, определяющий понятие и размеры районных коэффициентов и закрепляющий размеры процентных (стажевых) надбавок к заработной плате на основе районирования территорий Севера и Арктики РФ.

Реализация второго приоритета подразумевает решение нескольких задач. Одна из них – построение диалога ведущих отраслей территориальных экономик с системой образования (местными и региональными и высшими учебными заведениями) с целью подготовки квалифицированных кадров (прежде всего в таких приоритетных сферах, как строительство, инфраструктурное обслуживание и эксплуатация ресурсов, здравоохранение, горнодобывающая промышленность) для осуществления ресурсных проектов, а также активизация научно-исследовательской деятельности, результаты которой должны применяться для разработки стратегий корпоративного управления.

Другая задача – создание государственной системы мониторинга рынка труда регионов Севера и Арктики РФ, обеспечивающей оперативный и всесторонний анализ ситуации в сфере рынка труда, занятости и безработицы и позволяющей разрабатывать прогнозы баланса трудовых ресурсов таких регионов в соответствии с приоритетами государственной политики России в Арктике и обеспечения национальной безопасности страны.

Необходимо также комплексное государственное регулирование долгосрочного планирования развития ресурсодобывающих (горнодобывающих) отраслей в регионах Севера и Арктики РФ с учетом генеральных планов регионального, межмуниципального и муниципального развития. Важную роль в решении этой задачи играет институт социального лицензирования – зарекомендовавший себя в зарубежных северных странах «эффективный управленческий инструмент устойчивого развития муниципалитетов на основе тесного взаимодействия местных сообществ и ресурсодобывающих компаний, согласования их интересов и построения доверительных взаимовыгодных отношений [18. С. 89–90]».

Один из примеров – социальное лицензирование деятельности ресурсодобывающих предприятий на северных территориях Канады на основе заключения социально-экономических соглашений горных предприятий (Ekati Diamond Mine, Diavik Diamond Mine, Prairie Creek Mine и Meadowbank Gold Mine) и территориальных правительств Нунавута и Северо-Западных территорий с целью обеспечения эффективного взаимодействия между горнодобывающим предприятием, населением, общинами коренных народов и территориальным правительством в процессе осуществления горнодобывающей деятельности на основе общего видения территориального социально-экономического развития, диверсификации экономики и максимизации трудового потенциала местных сообществ.

Немаловажная роль в реализации приоритетов государственной политики в сфере уровня жизни населения регионов Севера и Арктики РФ отводится органам местного самоуправления на основе муниципального управления в сфере уровня жизни, позволяющего достичь устойчивого развития северных и арктических местных сообществ. Наилучшей практикой обеспечения

жизнедеятельности местных сообществ является формирование долгосрочной политики муниципального управления, согласованной с интересами местного сообщества и входящими в состав муниципального района поселениями с учетом этнической составляющей населения. Здесь заслуживает внимания опыт Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, где к основным элементам муниципального управления относятся комплексные системы мониторинга социально-экономического развития, реализации документов социально-экономического развития и эффективности муниципального управления, а также межмуниципальное сотрудничество в сфере повышения уровня жизни как ключевого фактора развития местных сообществ.

Литература

1. Рябова Л. А. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения / Л. А. Рябова, Е. Е. Торопушина, Е. А. Корчак, Н. А. Новикова, В. П. Тоичкина // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Науч.-аналит. доклад / под науч. ред. д.э.н В. С. Селина, д.э.н Т. П. Скуфьиной, к.э.н. Е. П. Башмаковой, к.э.н. Е. Е. Торопушиной. – Апатиты: КНЦ РАН, 2016. – 420 с.
2. Кондратович Д. Л., Ульченко М. В. Методологические особенности определения векторов социально-экономического развития северного региона на основе анализа некоторых индикаторов качества жизни [Эл. ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10806> (дата обращения: 29.05.2017).
3. Тоичкина В. П. Тенденции развития процессов воспроизводства населения в регионах Российской Арктики [Текст] / В. П. Тоичкина // Север и рынок: формирование экономического порядка – Апатиты: изд-во КНЦ РАН. – № 2. – 2016. – С. 38–46.
4. Колечков Д. В. Прогноз развития социально-культурных систем северных регионов России [Эл. ресурс] // Региональная экономика и управление. – 2013. – № 2(34). URL: <http://eee-region.ru/article/3403/> (дата обращения: 29.06.2017).
5. Корчак Е. А. Трудовой потенциал северных регионов в рамках реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике. Ин-т экон. проблем Кольского науч. центра РАН. – Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2017. – 178 с
6. Регионы России. Социально-экономические показатели [Эл. ресурс] // Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 29.06.2017).

7. Торопушина Е. Е. Оценка уровня развития социальной инфраструктуры в регионах Севера и Арктики России // ЭКО. – 2016. – № 6 (504). – С. 99–108.
8. О просроченной задолженности по заработной плате на 1 мая 2017 года [Эл. ресурс] // Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/95.htm (дата обращения: 17.06.2017).
9. Корчак Е. А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни в северных регионах // ЭКО. – 2016. – № 3. – С. 80–96.
10. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2015 года [Эл. ресурс] // РИА рейтинг. URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20160615/630026367.html> (дата обращения: 14.05.2017).
11. Национальный рейтинг губернаторов [Эл. ресурс] // Национальный рейтинг. URL: <http://russia-rating.ru/info/11993.html> (дата обращения: 14.05.2017).
12. Стратегия социально-экономического развития Чукотского автономного округа до 2030 года [Эл. ресурс]. URL: <http://www.chukotka.org/> (дата обращения: 05.05.2017).
13. Правительство Карелии подвело итоги социально-экономического развития республики за 2012 год [Эл. ресурс] // Бюджет.ру. URL: <http://bujet.ru/> (дата обращения: 14.02.2016).
14. Информация о ситуации на регистрируемом рынке труда Республики Карелия и о деятельности Минсоцтруда РК в сфере занятости населения за январь-декабрь 2016 года [Эл. ресурс] // Интерактивный портал Мин-ва социальной защиты, труда и занятости Республики Карелия. URL: <https://mintrud.karelia.ru/> (дата обращения: 16.04.2017).
15. Скуфья Т. П. Развитие российской Арктики в условиях усиления борьбы за обладание минерально-сырьевыми ресурсами // Федерализм. – 2014. – № 2. – С. 95–108.
16. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ [Эл. ресурс] // «Консультант Плюс» – надежная правовая поддержка. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.05.2017).
17. О минимальной заработной плате в Республике Карелия во втором полугодии 2016 году [Эл. ресурс] // Карелия официальная. URL: <http://www.gov.karelia.ru/> (дата обращения: 18.04.2017).
18. Маслобоев В. А. Горная промышленность в Арктике в контексте обеспечения устойчивого развития местных сообществ / В. А. Маслобоев, С. Н. Виноградова, В. В. Дидык, Е. М. Ключникова, Е. А. Корчак, Т. А. Мингалева, В. Н. Петров, Л. А. Рябова // Вестник Кольского научного центра РАН. – 2015. – № 4. – С. 82–90.